

СЕРИЯ «КАЛИФОРНИЙЦЫ»

Лори Вук



СЭН
Донован

МСМ
Санкт-Петербург
2013

Originally published in English under the title:

SEAN DONOVAN

by Lori Wick

Copyright © 1993 by Lori Wick

Published by Harvest House Publishers

Eugene, Oregon 97402

ISBN 0-7369-0258-9

Серия «Калифорнийцы», книга третья

Вик Л.

Сэн Донован / Пер. с англ. — СПб.: ООО «МСМ», 2013. — 272 с. — (Калифорнийцы)

ISBN 978-5-903010-35-6

Чувствуя себя преданным своим отцом и разделенным с Богом, Сэн Донован покинул свою семью в Санта-Розе. Обозленный на всех юноша стал членом банды воров, но попался на первом же грабеже банка, за что был приговорен к повешению. Однако по закону округа женщина, обладающая хорошей репутацией в обществе, могла спасти мужчину от виселицы, но для этого она должна была выйти за него замуж. Шарлотта Купер, хозяйка конюшни, в которой требовался кузнец, воспользовалась этой возможностью. После столь драматичного избавления от смерти Сэн смирился и решил восстановить свои отношения с Господом, а его сердце раскрылось навстречу жене, крайне независимой особе, чье прошлое ожесточило ее. Его уравновешенность и забота тронули Шарлотту до глубины души. Возможно ли, что в городских сплетнях есть доля правды? Возможно ли, что Шарлотта влюбилась в своего мужа?

Библейские цитаты приведены согласно Синодальному переводу. Имена героев, а также географические названия, за исключением общеизвестных, вымышленные.

© Издание на русском языке. ООО «МСМ», 2013.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения издательства.

Эта книга посвящается моим племянникам:

Дереку Колстаду, Ангусу Вику,

Бобу Колстаду, Билли Вику и Джону Вику.

Я молюсь о том, чтобы вы лично узнали Бога

и служили Ему от всего сердца.

СЕМЬИ В ВИСАЛИИ: 1876 ГОД

Сэн Донован

Шарлотта Купер (Чарли)

Тетя: Сэди Кокс

Шериф Лукас Дункан

Жена: Лора

СЕМЬИ В САНТА-РОЗЕ: 1876 ГОД

Семья Маршалла Ригса

Жена: Кейтлин Донован Ригс

Дети:

Гретхен

Молли

Свояченица: Марселла Донован

Семья Вильема Тейлора

Жена: Мэйбел (Мэй)

Сын: Гилберт

Семья Джеффри Тейлора

Жена: Роберта (Бобби)

Дети:

Клео

Саттон

Семья Натана Тейлора

Жена: Бренда

Сын: Уильям (Уилли)



ГЛАВА 1

*Санта-Роза, Калифорния
Май, 1874 год*

— На сегодня хватит, Сэн. Запирай задние двери и иди домой.

Молодой человек угрюмо кивнул, но ничего не сказал. Ему очень хотелось крикнуть хозяину конюшни, что он пойдёт домой, когда сам захочет. Но подобная выходка могла стоить ему места, а он не мог себе этого позволить, особенно сейчас, когда он собирался покинуть этот город.

Старательно скрывая злость и едва взглянув на своего работодателя, Сэн Донован закрыл задние двери конюшни. Он ничего не сказал и не попрощался с ним, даже когда прошёл через все помещение к главному выходу и шагнул на улицу. Десятки других обитателей Санта-Розы тоже закрывали мастерские и магазины и направлялись домой. Многие знали Сэна в лицо, а некоторые даже по имени, но он предпочитал ни с кем не встречаться глазами и не отвечать на приветствия.

Дом его сестры замаячил впереди задолго до того, как он был готов увидеться со своими родственниками. Он помедлил на улице несколько минут, надеясь незаметно подняться в свою комнату.

— Сэн? — окликнула его сестра, как только отворилась входная дверь.

Сэн постарался скрыть негодование, которое кипело внутри.

— Привет, Сэн! Как работа?

Беременная Кейтлин Ригс вышла к нему навстречу со стороны кухни. Ее голос был столь же милым и добрым, как и ее душа, но на Сэна это не возымело никакого действия.

— Хорошо, — ответил он сухо, и Кейти пришлось приложить усилие, чтобы не показать своих собственных чувств. В последнее время они только и делали, что вздорили, и сегодня вечером Кейт меньше всего хотелось ссориться. Однако она не могла не спросить себя о том, как долго он еще собирается злиться. Как долго она и ее семья должны страдать из-за того, что сделал ее отец?

— Ужин почти готов. Хочешь умыться?

Сэн повернул к лестнице, не ответив, и прошел мимо своей младшей сестры Марселлы, как если бы даже не заметил ее.

Марселла и Кейтлин только переглянулись, зная, что слова ничего не изменят. Они пошли на кухню, куда мгновение спустя через заднюю дверь вошел муж Кейт. Маршалл Ригс — для всех он был просто Риг — привлек к себе жену и поцеловал ее. Затем он подошел к свояченице, обнял ее и чмокнул в темноволосую макушку.

— Где Гретхен? — спросил Риг о дочери, которой не было еще двух лет.

— Она играет на нашей кровати, — ответила Кейти.

Риг пошел по направлению к спальне, бросив через плечо:

— Сэн вернулся?

Кейт ответила тихо:

— Он здесь, Риг. Я вижу, что ему не хочется быть здесь, но он здесь.



Сэн лежал на постели, дожидаясь, когда сестра скажет, что ужин готов. Ему не хотелось присоединиться к семье раньше времени. Более того, если бы Кейт позволила ему,

он бы поел один в своей комнате. Никто в этом доме не понимал его. Он ненавидел школу, и он ненавидел работу. У его родных на все был один ответ — доверься Богу. Ну, он пытался довериться Богу, по крайней мере в том, чего ему хотелось больше всего, но это так никогда и не принесло ему ничего, кроме боли и крушения всех надежд.

С этими беспокойными мыслями Сэн пролежал на кровати еще несколько минут. Потом, перекатившись на край матраса и встав на ноги, он направился прямо к комоду, открыл верхний ящик и достал деревянную коробку. Он пересчитал лежавшие в ней деньги, хотя и знал точную сумму. Можно было подумать, что он надеялся, что каким-то образом эта сумма увеличилась с тех пор, как он пересчитал деньги накануне вечером.

— Еще не хватает, — прошептал Сэн. В нем кипел гнев, когда он поставил коробку обратно. — Еще не хватает, чтобы уехать отсюда, — снова произнес он тихим шепотом, но на этот раз в его голосе было отчаяние.

Некоторое время он стоял на месте, стараясь успокоиться. Он знал, что если Кейт позовет сейчас ужинать, то он будет слишком зол, чтобы сесть за стол вместе с остальными членами семьи, которые захотят узнать причину его плохого настроения. Вдруг дверь отворилась. Сэн повернулся, чтобы осыпать незваного гостя грубыми словами, но все упреки застряли в горле при виде племянницы Гретхен. Она стояла на пороге с очаровательной улыбкой на лице.

В первый раз за этот день гнев Сэна частично испарился. Он протянул руки к любимой маленькой девочке и улыбнулся, когда она кинулась к нему. Обвинив его ручонками за шею, она принялась что-то лепетать, и Сэн, совершенно очарованный малышкой, слушал ее со всем вниманием. Они все еще общались, когда у подножия лестницы послышался голос Рига.

— Гретхен, ты сказала дяде Сэну, что ужин готов?

Гретхен поднесла маленькую руку ко рту и доставила приглашение к ужину, после чего оба спустились вниз. Семья собралась вокруг стола, и Сэн, который только что во весь рот улыбался Гретхен, теперь снова замкнулся в себе. Он не закрыл глаза и даже не склонил голову для молитвы.

Все присутствующие за ужином, за исключением Сэна, общались легко и непринужденно. Раньше молчание Сэна действовало на домочадцев угнетающе и даже пугало их, но потом они научились не замечать его. Риг, которого вообще невозможно было смутить, беседовал со своим юным шурином, как если бы в поведении юноши не было ничего необычного. Сейчас он попросил его помочь помыть посуду после ужина. При этом Риг сделал вид, что не заметил мрачного взгляда, который бросил в его сторону Сэн.

— Что ты хочешь делать, мыть или вытирать посуду? — спросил Риг как ни в чем не бывало, когда девочки ушли из комнаты.

— Ни то, ни другое. Почему бы Марсе...

— Довольно, Сэн, — произнес Риг спокойно. — Она и так слишком часто делает это за тебя. Кроме того, — Риг говорил быстро, поскольку Сэн снова открыл рот, — если ты посмеешь сказать, что это сделает Кейт, то я просто прибью тебя. Она может родить в любой день, и я не...

— В любой день? — переспросил Сэн скептическим тоном. — Я думал, что она должна родить в июне.

— Сэн, — терпеливо продолжал Риг, — до конца мая осталось всего три дня. Вчера доктор сказал Кейти, что роды могут начаться в любое время.

Ригу хотелось добавить, что если бы Сэн перестал дуться и подумал о ком-нибудь другом для разнообразия, то, возможно, он бы заметил, как сильно раздалась его сестра и как ей тяжело двигаться.

Риг бы удивился, узнав, что в этих словах не было необходимости. Сэн говорил себе то же самое. К сожалению, он не считал, что его дурное настроение было его виной; во всем был виноват его отец. Если бы отец сдержал хотя бы одно обещание, то Сэн, как ему казалось, чувствовал бы себя иначе. Но винить отца было легче, чем себя, равно как и прятать свою боль за маской гнева.



На следующий вечер после ужина Кейт объявила, что они получили от отца письмо. Патрик Донован, отец Кейтлин, Сэна и Марселлы, был миссионером на Гавайских островах. Он отсутствовал уже несколько лет, и все это время он обещал приехать и повидаться с семьей. И Кейти, и Марси страдали от его отсутствия, но больше всех страдал Сэн. Когда незадолго перед отъездом Патрика умерла их мать, Марселла и Кейтлин очень сблизились. Но Сэн, как бы он ни пытался вписаться в их круг, чувствовал себя совершенно одиноким.

— Он говорит, — начала Кейти, — что, судя по всему, уедет оттуда через пару месяцев. Я прочту это место. «Я знаю, что уже писал об этом раньше, но уверен, что на этот раз смогу вырваться отсюда и приехать к вам к середине лета».

После этого Кейт замолчала, молясь о том, чтобы на этот раз планы отца действительно осуществились. Он пытался приехать уже много раз, но всякий раз возникали какие-то затруднения. Все они уже стали думать, что больше никогда не увидят этого человека; Сэн *надеялся*, что он больше никогда не увидится с отцом. Риг, внимательно следивший за лицом Сэна во время чтения письма, сразу же понял, что Сэн хочет избежать встречи с отцом. Ночью, лежа в постели, когда все в доме стихло, Риг поделился своими соображениями с Кейти.

— Я не верю в это, Риг, — запротестовала Кейт. — Сэн скучал по отцу больше, чем любой из нас. Увидеть его снова — это все, ради чего он жил.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, Кейт, но подумай о том, что ему кажется, что его предали. Его злость заметна, как только он входит в комнату. Не хотел огорчать тебя, но я подумал, что мне следует тебя предупредить.

При тусклом свете лампы Кейт принялась рассматривать лицо Рига.

— Ты что-то *не* договариваешь, — наконец сказала она.

— Возможно, ты не согласишься со мной, Кейт, но мне кажется, что он набирается смелости, чтобы покинуть нас. Я думаю, что если бы у него были деньги, он бы уехал из Санта-Розы прямо сейчас.

Глаза Кейт стали огромными.

— В верхнем ящике комода он хранит коробочку с деньгами, — прошептала она, как будто боялась, что ее могут услышать. — Вчера я случайно наткнулась на нее, когда доставала его одежду. Крышка открылась, и я увидела, что лежит внутри. Я тут же закрыла ящик. Я не знаю, сколько там было, но...

— Ш-ш, — стал успокаивать ее Риг, потому что она заплакала. Он пытался обхватить руками ее раздавленное тело. — Все хорошо, Кейт. Ты не сделала ничего плохого. Как бы это ни было тяжело, возможно, это должно случиться.

— Риг, но он еще не готов к тому, чтобы жить самостоятельно, — всхлипывала она.

— Я понимаю, но, как ты много раз говорила, вероятно, ему нужно испытать еще большую боль, прежде чем он увидит, что за всеми событиями с самого начала стоял Бог.

У Кейт больше не было слов. Она плакала и молилась на груди мужа. Риг держал ее в объятиях, пока не уснул. Но несколько часов спустя Кейт снова разбудила его, сказав, что ему, похоже, пора идти за доктором.



ГЛАВА 2

На следующий день Сэн сидел в комнате сестры и держал на руках племянницу Молли. Ей было десять часов от роду, и она представляла собой крошечный сверток с темными волосами. Она была точной копией Гретхен в том же возрасте. Сестра Сэна отдыхала в постели, и Сэн ничего не знал о том, что она внимательно наблюдает за ним.

«Помоги ему обратиться к Тебе, Небесный Отец, — мысленно молилась Кейт. — Помоги ему увидеть, что бегство не приведет ни к чему хорошему. Если есть на то Твоя воля, используй этого драгоценного ребенка, чтобы смягчить его сердце, чтобы показать ему, что Ты — Бог любви и нежности, особенно когда нам больно».

Тут в комнату вошел Риг, и Сэн отвлекся от спящей новорожденной. Он удивил обоих родителей комплиментом, потому что ничего подобного они не слышали от него уже очень давно.

— Я не знаю, как тебе это удастся, Кейти, учитывая, что ты замужем за огромным волосатым зверем, но Молли — красавица.

— В моем роду никогда не было недостатка в красавицах, — возразил ему Риг веселым голосом.

Сэн презрительно фыркнул, и новорожденная девочка вздрогнула. Кейт с изумлением наблюдала за тем, как он стал успокаивать Молли и прижал ее к своей груди. Муж с женой переглянулись, став очевидцами этого проявления нежности. В душе они молились об одном и том же.

Следующие две недели были в представлении Кейт почти идеальными. Молли оказалась спокойным ребенком, и Сэн вел себя на удивление прилично, чего не наблюдалось уже много месяцев. Он очень много помогал ей и нисколько не стеснялся проявлять свою любовь к новорожденной племяннице. Каждую свободную минуту он играл с Гретхен и, казалось, снова пытался стать частью семьи. Однако все это резко изменилось после того, как они получили письмо от тети Морин из Сан-Франциско.

Она была вне себя от восторга по поводу обещания Патрика приехать и высказывала надежду, что на этот раз он действительно приедет. Кейт прочитала письмо вслух после ужина, и они с Ригом оба заметили, как при этом напрягся Сэн, как он ушел в себя.

Они долго говорили в ту ночь и решили ни о чем не спрашивать Сэна, но быть некоторое время начеку и молиться о возможности поговорить с ним.

Но такой возможности им не представилось. В тот день, когда Сэн написал короткую записку, оставил ее в своей комнате и отправился пешком на другую сторону города, чтобы поймать дилижанс, идущий на юг, Риг был на работе, Марселла — в школе, а Кейт с обеими девочками гостила в доме бабушки Тейлор. Сэну так и не пришлось в голову, что он в точности повторяет действия человека, которого, как ему казалось, он ненавидит больше всего на свете.



Морин Лотон Кент, сестра Патрика Донована, стояла в библиотеке, стараясь успокоиться, но ее сердце продолжало сильно колотиться. Ее племянник Сэн находился на втором этаже в одной из спален, и она знала, что в любой момент он может спуститься к ужину. Она думала о том, чтобы как можно быстрее сообщить о его приезде Кейтлин

и всей семье. Почему-то она была уверена в том, что никто из них не знает, где находится Сэн. Эта мысль едва успела оформиться, как в дверях появился предмет ее беспокойства.

Вид Сэна удивил ее. Он заметно возмужал с тех пор, как она видела его на Рождество, и, похоже, растерял все свои мальчишеские черты. Его брови низко нависали над неулыбчивыми глазами, а рот, даже когда он говорил, напоминал сжатую кривую линию.

— А, вот и ты! — Морин ненавидела себя за дрожащий голос, которым она произнесла эти слова. — Ты готов ужинать?

Сэн кивнул и последовал за своей тетей к столу. Большая часть ужина прошла в напряженном молчании. Сэн начинал сожалеть о решении приехать сюда; более того, он начинал сожалеть о том, что вообще уехал из Санта-Розы. Он знал, что ему придется изгнать лица родных из своего сознания. В противном случае будет слишком много слез. На помощь Сэну пришла его злость. Он уже плакал, когда ехал в дилижансе, потом снова плакал в комнате на втором этаже. Но теперь все, хватит, слез больше не будет, — сказал он себе.

Морин, которая заметила на лице племянника отражение переживаемых им эмоций, была в замешательстве. Она не знала, что сказать. С тех пор, как они виделись в последний раз, он стал для нее незнакомцем. Когда подали кофе, она собралась с духом и сказала себе, что если он почувствовал себя вправе приехать к ней в дом, то она тоже имеет право задать ему несколько вопросов.

— Сэн, — начала она осторожно, — твои родные знают, что ты здесь?

— Нет, — ответил он, не глядя на нее.

— А разве они не будут волноваться?

Сэн пожал плечами.

— Я оставил записку, в которой написано, что я уезжаю из города. Им придется удовлетвориться этим. — Сэну было

больно говорить об этом, хотя он и старался не подавать виду, но Морин была так поражена его злости, что не заметила его боли. Перед лицом подобной озлобленности мужество покинуло ее. Она замолчала на мгновение, прежде чем смогла продолжить говорить с напускной веселостью.

— Ты собираешься искать работу?

Взрослый сын Морин, Перси, много лет жил за ее счет, и она не была уверена в том, что Сэн станет искать работу.

— Не здесь. Мне не нравится этот климат, — сказал Сэн первое, что пришло ему в голову.

Он не желал признаваться, что Сан-Франциско находится слишком близко от Санта-Розы.

При этих словах Морин едва не охватила паника. До этого она ни разу не подумала о том, что в ее доме он решил просто сделать остановку, прежде чем отправиться дальше; более того, в ней теплилась надежда, что он приехал к ней потому, что именно сюда должен был причалить корабль с его отцом на борту.

— Разве ты не боишься разминуться с отцом?

Ответом на ее вопрос был холодный взгляд, и Морин, удивляясь тому, насколько далекими от правды были ее предположения, замолчала. Не прошло много времени, как Сэн отправился спать. В оставшиеся перед сном часы Морин вела мысленную беседу со своим отсутствующим братом. Она заявляла ему со всей категоричностью, что ему давным-давно следовало вернуться домой, что писем было недостаточно и что его семья нуждается в нем.

К тому времени, когда Морин легла спать, она чувствовала себя совершенно измученной. Зная, что ей будет не легко заснуть, она попыталась отбросить тревожные мысли, говоря себе, что утром, возможно, ей будет легче найти общий язык с Сэном. С этой мыслью она погрузилась в сон, но ее надеждам не суждено было сбыться. Утром Сэн Донован исчез.



ГЛАВА 3

Сэн лгал, говоря, что ему не нравится прохладная погода Сан-Франциско. Он сказал это для того, чтобы уехать. Когда же он наклонился над очередной грядой хлопка под палящим солнцем Фресно, он понял, что жалеет, что не задержался в Сан-Франциско подольше. Он еще никогда не жил и не работал в такой жаре. Большая часть окружавших его работников была ниже ростом, и впервые в жизни Сэн завидовал низкорослости других людей. Он занимался сбором урожая уже две недели, но его спина продолжала страшно ныть.

Он сделал паузу, чтобы смахнуть с лица пот, и увидел, что рядом с ним работает женщина на большом сроке беременности. Она с трудом наклонялась над грядой. Как раз в этот момент она потеряла равновесие, и Сэн поддержал ее под руку, пока она снова не встала твердо на ноги. Она улыбнулась ему милой и усталой улыбкой, и Сэн поспешно наклонил голову.

Вид этой женщины и ее усталая улыбка напомнили ему Кейтлин за несколько месяцев до его отъезда. Затем он вспомнил о Молли, которая была еще совсем крошкой, когда его дилижанс выезжал из города. Сэн вдруг почувствовал, что его начинают душить слезы.

«Ты уехал, Сэн, — сказал он себе, — и теперь они уже не хотят твоего возвращения. Даже если бы они и хотели, ты сам не захочешь вернуться». Убедив себя в этом, он постарался выбросить из головы образы Гретхен и Молли.

В данный момент ему меньше всего нужно было думать о них.

«Интересно, приехал ли отец», — пробормотал Сэн под нос, накручивая самого себя. Затем он снова наклонился над хлопком.

В его жизни постепенно формировался определенный порядок, и к тому времени, когда Сэн отработал два месяца, у него появилось несколько друзей. Большая часть его товарищей по работе были людьми семейными, но было и несколько холостых, и эти последние несли заработанные деньги, как только они у них появлялись, в бар.

Сэн никогда раньше не бывал в барах, но теперь он думал, что бар во Фресно был тем местом, где он чувствовал себя в своей тарелке. Он никогда не напивался допьяна. Он мог спокойно посидеть здесь с друзьями, когда его никто не трогал, — вот в чем он нуждался больше всего, по крайней мере так он себе говорил. И вот в один из таких дней его товарищи сказали ему, что он занимается не своим делом.

— В каком смысле? — хмуро поинтересовался Сэн. Он представлял для них некоторую загадку, но однажды вечером им удалось выяснить, сколько ему было лет, и они поняли, что он был еще юнцом с глубоко засевшей обидой. Усмехаясь, они ответили:

— Неужели ты думаешь, что мы стали бы собирать хлопок, если бы были такого роста, как ты? Посмотри на того парня в конце стойки. Ты выше его, но при этом вместе с нами обливаешься потом на солнце.

— И, скорее всего, за труд тебе платят намного меньше, чем нам, — заговорил другой, и вся компания покатилась со смеху. Сэн не смеялся; он уже двигался к концу стойки бара.

— Чего тебе надо? — спросил бармен без вступления.

— Работу, — Сэн кивнул головой в сторону громилы. — Никогда не думали о замене?

Бармен отреагировал быстро. Он окинул глазами широкую грудь Сэна, улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Я люблю Медведя. Он не слишком сообразительный, зато надежный.

Сэн нахмурился, но мужчина продолжал:

— Вот что я сделаю. Мой брат держит одно местечко в Сельме, больше этого, со сценой, с девочками и со всем остальным. Сколько тебе лет?

— Достаточно, — ответил Сэн, и мужчина за стойкой не стал допытываться.

— Я уверен, что ты подойдешь. Отправляйся на Юг, в центр Сельмы. Это заведение называется «Бакс». Спросишь там Бака, это мой брат, или его партнера, Сэла. Они сделают, что нужно.

Товарищи Сэна были в восторге, когда он пересказал им этот разговор, и в кои-то веки лицо Сэна не было безучастным. В тот вечер он долго сидел в баре, смеялся и болтал с друзьями. Это было что-то вроде прощальной вечеринки. Он ушел оттуда всего за пару часов до рассвета, чтобы вернуться в самый захудалый отель в городе. Там он упаковал свои пожитки и лег на постель, дожидаясь рассвета. Когда взошло солнце, Сэн встал, побрился и стал дожидаться дилижанса, который повезет его еще дальше на юг.



Четыре месяца спустя Сэн, которому было теперь восемнадцать лет, одетый в безупречные темные брюки, белоснежную рубашку и черный галстук, не сводил глаз с профиля своего босса. Мужчины за угловым столиком быстро теряли над собой контроль, и Сэн знал, что в любой момент его могут позвать на помощь. Мимо прошла сильно накрашенная женщина и обольстительно провела рукой по груди Сэна. Как обычно, он почти не обратил на нее внимание.

Через мгновение Бак повернул голову, и Сэн начал действовать. В этом шикарном заведении он работал одним из троих вышибал, и их движения не должны были быть поспешными или неловкими. С прирожденной грацией Сэн и еще один мужчина направились в конец зала. И с куда меньшим шумом и суетой, чем это могло бы быть, двое нарушителей порядка были выведены из здания и *выставлены* в переулок.

Вскоре началось шоу. Сэн стоял в углу сцены, непрерывно оглядывая помещение в поиске возможных беспорядков. Сегодняшняя публика была шумной, но никто не выходил за рамки дозволенного. После закрытия бара Сэн поднялся в свою комнату с едва заметным чувством неудовлетворенности. Ложась в постель, он понял, что ему хотелось настоящей драки. Мужчины, которых они вывели в переулок, оказались слишком покладистыми.

Он лежал в красивой комнате, которую называл своей, и слушал, как затихали звуки в отеле. Кто-то постучал в дверь, но Сэн не ответил. Это, скорее всего, была одна из девочек, желавшая узнать, не надумал ли он сегодня зайти к ней. Его ответ всегда был отрицательным, а потом Сэн и вовсе стал игнорировать подобные предложения.

Девочки полагали, что он просто задирает нос, но дело было не в этом. Откровенно говоря, Сэн и сам не знал, что его удерживало. Он ничего не имел против азартных игр или выпивки в мирском окружении, в котором он оказался. Возможно, причиной его нерешительности в данном случае было то, что всякий раз, когда у него возникало искушение принять приглашение, перед ним вставало лицо матери. Она умерла, когда ему было всего четырнадцать лет, но ему по-прежнему слышался ее голос, говорящий ему, двенадцатилетнему мальчику, о том, как важно сохранить себя для брака. «Ты никогда не пожалеешь об этом, Сэн, но если ты не будешь ждать, то потом можешь пожалеть».

Как обычно, Сэна не заботило направление его мыслей. Решив спать, он повернулся на бок, рисуя в своем воображении сцену на первом этаже с ее тяжелым золоченым занавесом и бархатной отделкой. Услышав когда-то название «Бакс», Сэн представил себе шумный и суматошный бар, но «Бакс» был больше, чем бар; это был отель, и даже стильный отель.

Сэн заснул, говоря себе, что последние три года он слишком много работал. Такая уж была у него жизнь. Это было его место.



— Я говорю тебе, что он мне не нравится, — заявил Сэл своему партнеру.

— Он хорошо работает, — возразил Бак.

— Он слишком самоуверенный, — продолжал Сэл. — Я не доверяю ему.

Бак только вздохнул. Ему нравился Сэн Донован, но Сэл никогда не чувствовал себя комфортно с их новым вышибалой. Сэл уже несколько раз хотел уволить его без какой-либо основательной причины, но всякий раз Бак не допускал этого. Сэн был первым вышибалой, которого не нужно было учить пользоваться вилкой. У Сэна был стиль. Откуда он приехал и как он стал вышибалой в баре, Бака не интересовало. Он знал только одно: Сэн хорошо работает и в некотором смысле является украшением этого заведения благодаря своим широким плечам, черным вьющимся волосам и темным манящим глазам. Он редко улыбался, но он был неизменно вежлив с клиентами, а для Бака клиенты были на первом месте.

— Он остается, — заявил Бак твердо.

Сэл, зная, что его ждут в зале, не стал больше говорить на эту тему. Однако он надеялся, что рано или поздно произойдет что-нибудь такое, что даст ему повод уволить Сэна

Донована, и что против такого повода не сможет ничего возразить даже Бак.

Два месяца спустя у Сэна снова было настроение поскандалить. Подобное случалось с ним не часто, но когда его начинали преследовать воспоминания из прошлой жизни, его охватывала злость. В этот день он не думал ни о ком кроме Марселлы. Ей уже тринадцать, у нее темные волосы и большие выразительные глаза, и мальчишки, должно быть, всю за ней бегают.

«Ригу нужно лучше за ней присматривать», — сказал Сэн самому себе, глядя в зеркало и завязывая галстук. Вдруг он покачал головой. Все это происходило из-за того, что ему улыбнулась одна из новеньких девочек. Ее улыбка была такой милой и юной, что Сэн был потрясен. Перед ним мгновенно всплыло лицо Марселлы, и это видение не давало ему покоя настолько, что когда пришло время заступать на дежурство, его настроение было хуже некуда.

В начале вечера завязалась драка. Для всех ее участников в этом не было ничего необычного, но из-за своего душевного состояния Сэн повел себя слишком резко. Прежде чем кто-то успел что-либо сообразить, мужчина, которого Сэн держал за руку, замахнулся на него и промазал. Тогда Сэн, хотя его и учили игнорировать подобные вещи, нанес ответный удар. Не прошло и нескольких секунд, как в драку оказались втянуты мужчины с нескольких столов, и через минуту половина заведения гудела.

Сэл был в восторге от всего, если не считать убытков. Бак видел, что на этот раз он проиграл битву: Сэна придется уволить. Однако ни Бак, ни Сэл не поняли вначале, что увольнение было неизбежно в любом случае. Мужчина, которого ударил Сэн, оказался братом шерифа. Не прошло и двенадцати часов, как Сэн сидел в очередном дилижансе, уезжая из города.



ГЛАВА 4

Сэну с самого первого дня не понравился вид хозяина конюшни; но он дал ему работу, и на тот момент это было все, в чем нуждался Сэн. Расходы на ремонт в «Баксе» изрядно опустошили его карманы, и Сэн знал, что оставшихся денег надолго не хватит.

Сэн приехал в Тулар в расчете на работу в баре, но хозяин заведения, куда он зашел, не заинтересовался его кандидатурой. Сэну меньше всего хотелось снова трудиться руками, но он понимал, что ему нужно чем-то питаться и где-то жить, поэтому он смирился. Он нанялся на работу уже две недели назад, но еще не получил и десяти центов из своей зарплаты.

По-правде говоря, Сэн получал удовольствие от работы в конюшне, но продолжал злиться на то, как с ним обошлись в «Баксе», хотя и не признавался в этом. На данный момент у него осталось всего несколько монет в запасе, и он решил, что сегодня потребует зарплату. Он бросил работу и, с внезапно нахлынувшим предчувствием чего-то недоброго, отправился на поиски своего босса.

— Иди работай, — заговорил тучный лысый мужчина, сидевший на стуле у дверей.

— Когда мне заплатят?

— Ты еще слишком мало отработал.

— Я здесь уже две недели, — в голосе Сэна послышались угрожающие нотки, но толстяк не обратил на это никакого внимания.

Вместо этого он рассмеялся:

— Приходи, когда отработаешь месяц.

— Я требую, чтобы мне заплатили сейчас же.

Мужчина засмеялся еще громче, глядя на покрасневшее лицо Сэна.

— Ты дурак, — фыркнул хозяин. — Не имеет значения, когда ты придешь. У меня нет денег. Жена забирает каждый дайм. — Ему показалось это очень забавным, и он засмеялся так, как будто у него в жизни не было никаких забот.

Сэна охватил гнев. Он пошел на мужчину, намереваясь выбить из него свои деньги, но тут в руке хозяина конюшни мелькнул ствол. Сэн продолжал наступать. Толстяку потребовалось всего одно мгновение, чтобы понять, что на этот раз данный прием не сработает. Он с трудом поднялся на ноги, страх сделал его неуклюжим. Сэн заставил его отступить внутрь конюшни, но тут вдруг послышался чей-то голос:

— Здесь какие-то проблемы?

Сэн остановился, но не повернулся, чтобы посмотреть на стоящего в дверях человека.

— Мы закрыты, — огрызнулся Сэн через плечо.

— Опусти револьвер, Пинки, — снова заговорил некто, несколько не испугавшись гнева Сэна. — Ты, верно, опять кого-то обдурил, Пинки?

На этот раз голос привлек внимание Сэна. Он повернулся и увидел невысокого мужчину, одетого в дорогой костюм. Мужчина улыбался ему почти ласковой улыбкой. В то же время толстяк, который оказался теперь за спиной Сэна, начал возмущаться:

— Это не моя вина, Хартли! Ты знаешь, какая она. Мне следует отослать этого парня к ней. Пусть сам выбивает из нее деньги. — В голосе мужчины слышались слезы, и на лице Сэна отразилось презрение.

Не говоря больше ни слова, он большими шагами ушел в глубь помещения, схватил свою куртку и вышел за дверь. Он был настолько зол, что не сразу понял, что кто-то зовет его по имени. Несколько мгновений спустя он остановился и обернулся. Это снова был тот коротышка по имени Хартли. Он улыбался и уверенно шагал навстречу Сэну.

— Мне жаль, что это произошло с тобой. Пинки — бесстыжий червяк, но в сравнении со своей женой он просто ангел.

Сэн молча выслушал это замечание, после чего Хартли заговорил так, словно вспомнил о хороших манерах.

— О чем только я думаю? — сказал он, не увидев ответной улыбки в глазах молодого человека. — Меня зовут Хартли. Пинки сказал мне, что тебя зовут Сэн.

Сэн с презрением посмотрел на протянутую руку, но все же пожал ее.

— Сэн Донован.

Он повернулся и пошел в направлении своего пристанища, а Хартли с привычной легкостью зашагал рядом с ним.

— Я не знаю, каковы твои планы на вечер, Сэн, но если ты не очень занят, то я бы хотел пригласить тебя на ужин.

— Это еще почему? — отозвался Сэн, снова останавливаясь и рассматривая Хартли жестким взглядом.

— У меня есть для тебя деловое предложение.

Сэн тщательно взвешивал эти слова, пытаясь оценить честность говорящего. Первой его мыслью было, что этот человек тот еще пройдоха, но в нем было что-то притягательное, и мгновение спустя Сэн согласился.

Через час, приведя себя в порядок, он входил в двери лучшей в городе гостиницы. Сэна и Хартли провели к столику с такими почестями, как если бы они были особами королевского рода. Сделав заказ, Хартли повернулся к Сэну, снова улыбаясь ему той же вкрадчивой улыбкой.

— Я должен прямо признаться, Сэн, что обратился к тебе из-за твоего роста. Видишь ли, мне нужен личный телохранитель, и я думаю, что ты, возможно, подходишь на эту роль.

Сэн молчал, и Хартли почувствовал облегчение от того, что Сэн не спросил его о том, что стало с предыдущим телохранителем. Хартли знал, что у него вряд ли что-то выйдет, если ему придется сознаться, что его последний «телохранитель» погиб, когда они вместе грабили банк. Он был вполне уверен, что со временем Сэн будет принимать участие в грабежах, но теперь было еще не время вдаваться в подробности.

— Чем вы зарабатываете себе на жизнь?

— Я — финансист, — проговорил Хартли мягко. — Бывают случаи, когда мне требуется перевозить большие суммы наличности. Я уверен, что присутствие столь предствительного человека рядом со мной отпугнет даже самых настойчивых преследователей. Скажи мне, Сэн, ты умеешь стрелять?

— Нет.

Сэну было ненавистно это признание, потому что он вдруг захотел получить эту работу. Одежда и манеры этого человека напомнили ему «Бакс», а Сэн скучал по стилю и оживленности, присущим этому заведению.

— Ну, это не имеет значения, — заверил его Хартли. — Я могу научить тебя.

Задолго до окончания ужина голова Сэна кружилась от всего, что обещал ему Хартли. В последнее время Сэну казалось, что удача покинула его. Теперь же, когда он вместе с Хартли переходил улицу, шагая в сторону шикарного бара, и не как работник, а как клиент, ему верилось, что его удача наконец, снова повернулась к нему лицом.



Внезапный шум за дверью заставил Сэна вскочить на ноги. Напряженно вслушиваясь, он потянулся за револьвером и вошел в гостиную. Не заботясь о том, чтобы одеться, он распахнул дверь в коридор, но там было пусто. Он снова закрыл дверь и лег в постель, говоря себе, что слишком серьезно относится к своей работе.

Прошло уже шесть недель с тех пор, как он познакомился с Хартли, но никогда раньше он не жил в такой роскоши. Временами его неприятно беспокоило то, что он почти ничего не делает, чтобы заслужить все это, но успешно отгонял от себя эти мысли. Теперь он знал, чем в действительности занимался Хартли, но об этом он тоже старался не думать.

Сэн всегда ненавидел воровство, и хотя он был довольно сильно пьян, когда Хартли сообщил ему о том, что является профессиональным грабителем, это известие едва не протрезвило Сэна. Разговор состоялся всего две недели назад, и теперь Сэн понимал, как ловко его обвели вокруг пальца. Сначала он был вне себя от ярости, но Хартли был как никогда вежлив. Кроме того, Сэн никогда не жил так, как сейчас.

Еду приносили, кровати застилали, его одежда, более изысканная, чем та, которую он носил, работая у Бака, всегда была выстирана и выглажена, — не хватало только красной ковровой дорожки. Казалось, не имело значения даже то, что Сэн был телохранителем, а не хозяином с деньгами, — с ним обращались по-королевски.

У этой работы было очень немного недостатков — их вообще не было бы, если бы только Сэну удалось заставить молчать свою совесть. Конечно, Сэну приходилось нелегко, когда Хартли сильно напивался и отключался, после чего Сэн был вынужден относить его в постель. Еще хуже было, когда Хартли приводил в свой номер девиц. Все кончалось

тем, что они дожидались, когда он уснет, после чего приходили к Сэну. Он никогда не позволял им оставаться, но временами сам не понимал почему.

Сэн убедил себя в том, что в целом у него была хорошая жизнь. Им даже случалось путешествовать. Хартли поставил Сэна в известность об их отъезде из Тулара всего за день до этого. Он не сообщил, куда именно они поедут, и не успел Сэн спросить об этом, как уже сидел в седле, следуя за своим нанимателем по дороге, ведущей из города.

Следующие недели прошли в каком-то тумане. Шикарные гостиничные номера и первоклассное обслуживание остались в прошлом.

Когда Сэн наконец попросил у своего хозяина разъяснений, Хартли ответил:

— Пора браться за дело.

Сэн дивился собственной глупости, а именно тому, что он мог поверить, будто шикарная жизнь будет длиться вечно. Они могли жить на широкую ногу только до тех пор, пока у Хартли были деньги, после чего он возвращался к своим воровским играм. Ему было безразлично, у кого красть, лишь бы жертва была не из Тулара. В некоторые города они въезжали глубокой ночью, и Сэн знал, что если бы его спросили, где он был, он не смог бы ответить.

Он также понимал с отрезвляющей ясностью, что хотя и не принимал непосредственного участия в грабежах, сам факт его присутствия делал его соучастником. Бывали случаи, когда он, дожидаясь Хартли в темных переулках и на всевозможных задворках, спрашивал себя о том, почему он остается с ним. Но Сэн тут же напоминал себе, что он сам по доброй воле покинул семью и уехал из Санта-Розы. Вспоминая об этом и убеждая себя в том, что его родные не хотят больше иметь с ним ничего общего, он знал, что ему некуда было идти. И он оставался.

Шли недели. Наступил очередной День благодарения, а они по-прежнему были в пути. Потом почти незаметно прошло Рождество, а также девятнадцатый день рождения Сэна. Наконец после особенно «удачной» ночи Хартли набрал каких-то припасов, погрузил их на лошадь Сэна, усадил хорошенькую барменшу на собственную лошадь и направился к подножию холмов недалеко от Висалии.

Когда Сэн проснулся, полностью одетым и в кровати без постельного белья, он осознал, насколько долгой и изнурительной была их ночная поездка. И опять он не имел ни малейшего понятия о том, где находится. Он вышел из спальни и оказался в просторной, но ветхой хижине. Вид из грязных окон был настолько потрясающим, что Сэн вышел на улицу, даже не закрыв за собой дверь. Несмотря на окружающую красоту, Сэн начал ощущать беспокойство, и очень обрадовался, когда к нему подошел Хартли.

— Ты рано поднялся, — заметил коротышка, скручивая и закуривая сигарету.

— Что мы здесь делаем? — спросил Сэн прямо.

— Сэн, нам необходимо на некоторое время залечь на дно. У меня есть еще несколько дел, но их нужно как следует спланировать.

— Я не хочу застрять здесь надолго.

— Здесь есть чем заняться. Есть деньги, которые нужно пересчитать, еда, которую нужно съесть, кровати — чтобы спать, и, конечно же, есть Анита.

Сэн посмотрел на него пустым взглядом.

— Нет уж, благодарю покорно.

Хартли давно хотелось отдохнуть, но он чувствовал, что Сэн не потерпит этого. Он немного удивился, обнаружив, что Сэн значил для него так много, что ради него он был готов изменить свои планы. Сэн был одним из лучших парней, которые когда-либо сопровождали его; его

проницательный взгляд и, как правило, спокойное поведение представляли собой большую ценность. Много в Сэне по-прежнему оставалось тайной, но Хартли был уверен, что они проведут вместе еще много времени и однажды он обо всем узнает.

Не говоря ни слова, Хартли вернулся в хижину и велел Аните приготовить завтрак. Сэн, приказав себе расслабиться, решил на некоторое время оставить эту тему. Всего двадцать четыре часа спустя он ругал себя за это. Проснувшись, он обнаружил, что Хартли уехал, оставив его и Аниту одних.